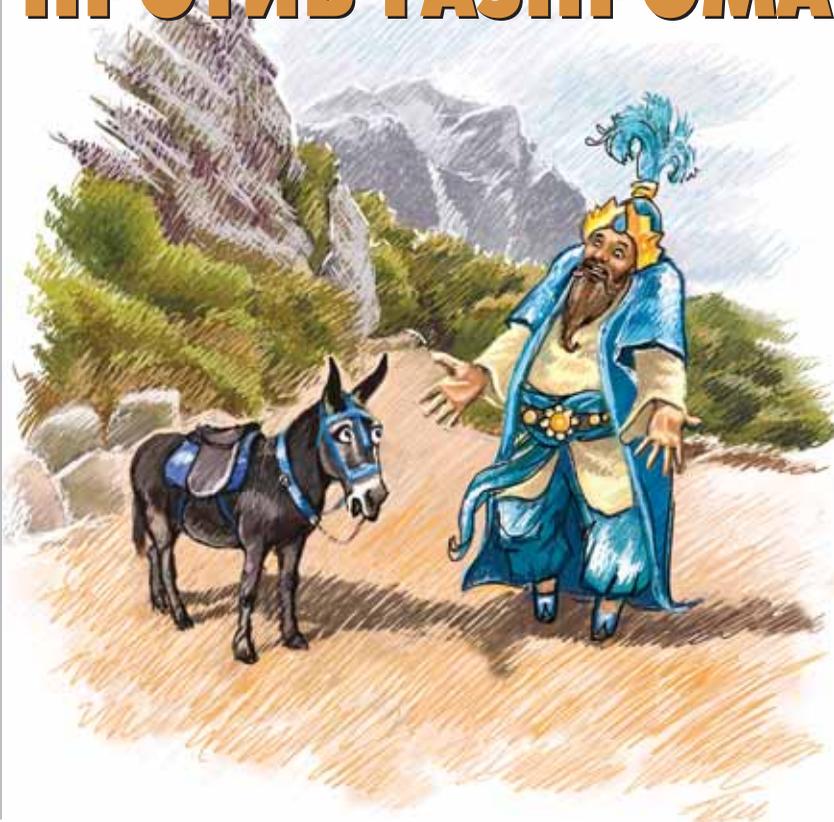

ЕВРОКОМИССИЯ ПРОТИВ ГАЗПРОМА

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК
Д.э.н., профессор РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина

Еврокомиссия объявила о начале антимонопольного расследования против «Газпрома», подозревая компанию в трех видах антиконкурентной деятельности в странах Центральной и Восточной Европы.

С вопросом, насколько обоснованными являются эти претензии, редакция «Вертикали» обратилась к А.Коноплянику, едва ли не самому известному знатоку европейского рынка газа.

Его резюме: директорат по конкуренции ЕК — истинный автор претензий ЕС, представляя верную фактическую сторону дела, но неверные ее предпосылки и причинно-следственные связи в отношении сегодняшнего доминирующего положения «Газпрома» в странах ЦВЕ, предлагает тем самым неверную линию дальнейших действий.

Их логика нацелена не на нахождение взаимоприемлемых для России и ЕС решений, повышающих уровень взаимодействия сторон, не на минимизацию рисков и неопределенностей до взаимоприемлемого для сторон уровня, но запускает политический эффект домино, препятствующий укреплению взаимодействия между Россией и ЕС в энергетической (и не только) сфере.

Возможные арбитражные разбирательства могут затянуться: на каждый довод одной стороны у противной найдется свой контраргумент. Тут важно другое: ЕС неумолимо ведет дело к вытеснению российского газа со своих рынков.

Впереди адаптация поведения «Газпрома» к меняющейся архитектуре европейского рынка?

4 сентября с.г. Европейская Комиссия (ЕК) опубликовала пресс-релиз «Антимонопольное расследование: Комиссия начинает рассмотрение дела против «Газпрома», в котором она заявила, что подозревает компанию в злоупотреблении своим монопольным положением и нарушении требований конкурентного законодательства ЕС по трем видам деятельности в странах Центральной и Восточной Европы (см. «Суть расследования»). Таким образом, российский концерн подозревается в нарушении ст.102 Договора о функционировании Евросоюза.

Проанализировав итоги проверок, которые были проведены в прошлом году (нашумевшие выемки документов в зарубежных офисах дочерних компаний Газпрома и некоторых его контрагентов в ЕС 27 сентября 2011 года), ЕК пришла к выводу о необходимости начала формального расследования в отношении «Газпрома», пояснил РБК daily Антуан Коломбани, пресс-секретарь Хоакина Альмунии, вице-президента комиссии и комиссара по вопросам конкуренции.

А.Коломбани, указанный в качестве контактного лица в пресс-релизе ЕК, отметил, что расследование касается деятельности «Газпрома» в восьми странах ЕС: Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше и Словакии. «В случае если «Газпром» будет признан виновным, ему грозит максимальное наказание в виде штрафа до 10% от его годового оборота на европейском рынке», — сказал он.

Данное решение концерн может обжаловать в европейских судах. Никаких сроков для расследования подобного рода дел не предусмотрено, их длительность зависит от конкретного случая и взаимодействия компании со следствием.

ЕК заявила, что вопрос будет рассматриваться в приоритетном порядке. Поскольку стоимость экспорта «Газпрома» в Европу достигает, по оценкам, порядка \$60 млрд, то максимальная величина грозящего «Газпрому» штрафа может составить \$6 млрд.

СУТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ

«Еврокомиссия расследует потенциально возможные действия, идущие вразрез со свободной конкуренцией, по поставкам газа в центральных и восточных государствах ЕС», — говорится в официальном сообщении европейского ведомства.

«Газпром» мог предположительно:

- разделять газовые рынки, препятствуя свободным перетокам газа между странами-членами ЕС;
- препятствовать диверсификации газовых поставок;
- навязывать своим потребителям несправедливые цены, привязывая цену газа к ценам на нефть»

дента № 1009 от 04.08.04) в их трансграничных операциях.

Указ устанавливает, что такие предприятия и их дочерние компании «в случае предъявления к ним требований со стороны

Существует множество грехов, за которые можно критиковать «Газпром», но нет необходимости критиковать его за грехи, которых он не совершал

органов иностранных государств, международных организаций, вправе только с предварительного согласия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством РФ:

Это не «Газпром» как таковой, но изменившаяся вокруг него среда, конъюнктура рынка явились, по сути, источником и поводом для озабоченности ЕК

- а) предоставлять ... информацию, касающуюся своей деятельности;
- б) вносить изменения в договоры ... и в другие документы, касающиеся их коммерческой

Свободным перетокам газа между странами-членами ЕС препятствует не «Газпром», а отсутствие единого рыночного пространства внутри ЕС

- (ценовой) политики в иностранных государствах;
- в) отчуждать принадлежащие ... доли участия в иностранных организациях, права на осуществление предприниматель-

После вынужденного отказа «Газпрома» от destination clauses все упреки в отношении недостатка «свободных перетоков» газа ЕК может обращать к себе

ской деятельности на территориях иностранных государств и недвижимое имущество, находящееся за рубежом».

«Хочу пояснить, — отметил А.Коломбани, — что это расследование касается «Газпрома», который является компанией, действующей на едином европейском рынке... Это расследование не касается России».

Политическая реакция: эффект домино

Еще как связано: возразил «Газпром» уже 5 сентября, практически незамедлительно отреагировав на действия ЕК. Концерн, и это заявление является наиболее существенным, «рассчитывает на то, что в рамках расследования будут надлежанием образом соблюдены наши права и законные интересы, вытекающие как из права ЕС, так и международного права, а также будет принято во внимание, что ОАО «Газпром», учрежденное за пределами юрисдикции ЕС, является компанией, наделенной в соответствии с российским законодательством публично значимыми функциями и статусом стратегической организации, контролируемой государством».

Это означает косвенное указание Еврокомиссии на то, что теперь той придется иметь дело с Российским государством: как во время детских разборок начинают искать защиты у «старшего брата-боксера». Им Россия и стала, поддержав своего основного бюджетного донора, основные доходы которому приносит работа как раз на европейском рынке.

Тогда же, 5 сентября, пресс-секретарь президента Д.Песков поставил под сомнение обоснованность высказанных ЕК претензий, заявив (по сообщению

агентства Bloomberg — в обратном переводе с английского), что «неясно, почему этот вопрос неожиданно стал предметом расследования. На чем основано это утверждение о нарушении безопасности поставок? На том, что «Газпром» был и останется надежным поставщиком газа своим клиентам?»

9 сентября В.Путин отреагировал на действия ЕК уже самолично, заявив во время саммита АТЭС во Владивостоке, что он сожалеет о действиях Еврокомиссии по отношению к «Газпрому», но не считает отношения «торговой войной». «Я не согласен с такой оценкой состояния отношений с Евросоюзом... объединенная Европа хочет сохранить политическое влияние, и чтобы мы за это еще и немножко заплатили. Это неконструктивный подход», — цитирует президента РИА-Новости.

И совсем скоро ответил на «неконструктивный» подход ЕК, по видимому, в более «конструктивном», по его мнению, ключе.

Указ 1285

11 сентября В.Путиным подписан указ №1285 «О мерах по защите интересов РФ при осуществлении российскими юридическими лицами внешнеэкономической деятельности». Это указ, совершенно очевидно, является прямым политическим «силовым» ответом на очередной рейд ЕК. Суть его проста: теперь российское государство будет непосредственно защищать интересы своих стратегических предприятий (перечисленных в списке таких предприятий, одним из которых является ОАО «Газпром», в Указе Прези-

Указ 1285 устанавливает, что уполномоченный орган отказывает в согласии на осуществление этих действий, если таковые способны нанести ущерб экономиче-

Целью расследования ЕК может быть желание получить бесплатный доступ к законтрактованной, но не используемой на полную мощность инфраструктуре

ским интересам РФ. Правда, определение понятия «экономические интересы РФ», как, впрочем, и то, что понимать под «ущербом» таким интересам, в указе не приводится.

Фактически, предусмотрена государственная защита «Газпро-

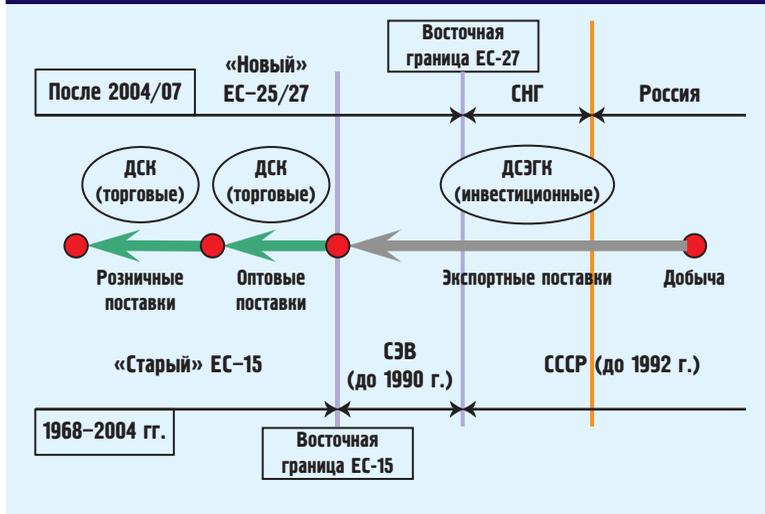
«Газпром» — по определению — не может препятствовать диверсификации, а именно: развитию альтернативных поставок, путей доставки и поставщиков

ма» по всем направлениям его вынужденных (вынуждаемых) действий как в результате изменения экономической конъюнктуры на газовых рынках Европы, так и в результате применения положений Третьего энергетического пакета ЕС, формирующего новую архитектуру единого внутреннего рынка газа ЕС, принципиально отличную от существовавшей в Европе последние 50 лет, то есть на основном российском экспортном рынке, вступившем после 2009 года в эпоху коренных преобразований.

Своей ценовой политикой и высокими ценами «Газпром» непредумышленно дополнительно побуждает страны ЕС к диверсификации

Объявленные претензии ЕК к «Газпрому» запустили политический эффект домино. Действия ЕК и ответ «Газпрома» и российского президента фактически вытолкнули дальнейшую полемику сторон в политическое, быть может отчасти правовое, но — оче-

Производственно-сбытовая цепочка поставок советского/российского газа в Европу с 1968 года до наших дней: трехзвенная структура долгосрочных контрактов

видно — силовое поле. Понятно при этом, что бороться России придется на чужом поле — в рамках суверенного законодательства ЕС, применимого на территории ЕС вне зависимости от того, нравится это «Газпрому» или российским государственным органам или нет.

И в условиях, когда ЕК в течение многих лет настойчиво продолжает считать, что общеевропейское законодательство (право ЕС — *acquis communautaire*) является такой же частью международного права и обладает таким же приоритетом (находится на том же уровне иерархии правовых актов), что и международные договоры, заключаемые ЕС. И не готова согласиться с доказываемым мной еще со времен работы в Секретариате Энергетической Хартии (периода неформальных консультаций экспертов России и ЕС по открытым вопросам проекта Протокола к Энергетической Хартии по Транзиту, после принятия еще только Второго энергетического пакета ЕС в 2003 году) тезисом, что для ЕС в целом *acquis communautaire* является внутренним законодательством, а значит, должно занимать подчиненное (субординированное) положение по отношению к международным обязательствам ЕС.

Понятно, что ответы «Газпрома»/России на правовые претензии ЕК (обвинения в нарушении конкурентного законодательства)

в этой полемике в рамках силового политико-правового противостояния сторон могут быть только асимметричными.

Однако в рамках сегодняшней конъюнктуры на рынке газа ЕС, характеризующейся избытком предложения (и, похоже, довольно устойчивым — в условиях продолжающегося экономического кризиса в еврозоне, политики ЕС по декарбонизации, переадресации ранее для США поставок СПГ и т.п.), всегда срабатывавшая ранее политика «Газпрома» (как у героини незабвенной Н.Мордюковой в «Бриллиантовой руке»: «А не согласится — отключим газ...») начинает давать сбои: в случае «отключения» своего газа от Европы Россия сыграет только на руку своим конкурентам.

«Газпрому» становится тяжело самостоятельно противостоять ЕК в условиях ужесточения конкуренции на рынке газа ЕС, сжатия конкурентной ниши для российского газа, судебных исков «старых друзей/деловых партнеров» — оптовых покупателей российского газа против ценовой политики «Газпрома», неизбежной необходимости для компании реструктурировать свои операции в Европе в результате Третьего энергетического пакета и пр. Все-таки взаимоотношения «Газпром» — ЕК — это взаимоотношения «по диагонали»: агент — суверен. Потребовалось привлечь на помощь

«старшего брата», чтобы перевести разборку на уровень двух «суверенов».

Итак, весь этот обмен любезностями, инициированный Департаментом по конкуренции ЕК, ведет к раскручиванию спирали и повышению градуса политической напряженности между Россией и ЕС. Однако, несомненно: если существует различное видение сторонами сути вещей, значит, существует требующая осмысления и своего взаимоприемлемого решения проблема.

Уверен, спокойное рассмотрение экономической стороны вопроса, в частности, обоснованности претензий ЕК к «Газпрому», поможет вернуть дискуссию в более конструктивное русло, понизить градус напряженности между сторонами и выйти на варианты взаимоприемлемых развязок.

«Газпром» в ЦВЕ: «А часовню тоже я?...»

Пресс-релиз ЕК утверждает, что «Газпром», «предположительно, может злоупотреблять

своим доминирующим положением на оптовых газовых рынках стран-членов ЕС Центральной и Восточной Европы» (ЦВЕ). На мой взгляд, ЕК приводит соответствующие действительности факты, но неверно их интерпретирует, поскольку неправильно представляет причинно-следственные связи, приведшие к современному состоянию дел в ЦВЕ. Таким подходом ЕК сразу же формирует (несмотря на предположительный характер своих обвинений) ореол предвзятости вокруг «Газпрома», предположение, что он изначально виновен в предъявляемых ему обвинениях и что именно он несет ответственность за эту свою «вину».

Существует множество грехов, за которые можно критиковать «Газпром» как в его профильной, так и непрофильной деятельности, но нет необходимости критиковать его за грехи, которых он не совершал.

«Газпром» как коммерческая организация, естественно (и правомерно) было бы, если

бы он поступал иначе), стремится максимизировать свою экономическую выгоду (экономическую, в том числе ценовую, ренту) из ситуации, которую он не сам создал, а лишь унаследовал из исторического прошлого. Как компания (агент) с доминирующим участием государства (суверена) — собственника разрабатываемых

Что действительно мешает, так это отсутствие инвестиционных стимулов к развитию инфраструктуры, но это — сугубо внутренние вопросы ЕС

и экспортируемых «Газпромом» ресурсов, он стремится максимизировать для государства (своего суверена) горную ренту от их эксплуатации.

«Газпром» как коммерческая компания ведет себя ровно так, как на его месте вела бы себя любая другая оказавшаяся в его положении компания: любая компания стремится к получению и сохранению (удержанию) своего монопольного положения на рынке

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА:
ШАГ ЗА ШАГОМ**

20-21 ноября 2012 г. Мурманск

Организатор конференции:
Ассоциация поставщиков
нефтегазовой промышленности
"Мурманшельф"

мурманшельф

При поддержке:
Правительства Мурманской области
и Мурманской Областной Думы

Контактная информация:
Тел. 8 (8152) 55-41-53,
55-41-54
E-mail : info@murmanshelf.ru
www.murmanshelf.ru

для извлечения, помимо прочего, и монополярной ренты. Именно в этом Еврокомиссия упрекала всегда своих «национальных чемпионов», которые, исторически покупая российский газ на внешней границе «старого» ЕС (ЕС-15), поставляли его дальше вглубь европейского оптового рынка по принадлежащим им трубопроводам — которые, правда, они сами же и построили за свои и/или заемные деньги (см. «Производственно-сбытовая цепочка...»).

Именно против этих компаний — оптовых покупателей российского газа и именно против их злоупотребления своим монополярным положением на рынках стран ЕС было направлено острое радикальных либерализационных мер и Второго (2003), и Третьего (2009) энергетических пакетов ЕС (обязательный доступ третьих сторон (ОДТС) к газотранспортной ин-

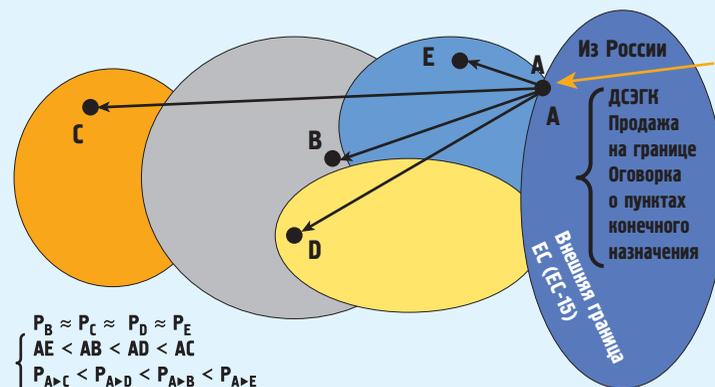
Никакая цена не может быть названа несправедливой, если две стороны контракта согласовали ее уровень и/или механизм ее определения

фраструктуре, сегментация вертикально интегрированных компаний (ВИК) и т.п.).

«Газпром», как мне уже приходилось отмечать ранее, сначала «попал под раздачу» из-за расширения ЕС (с ЕС-15 до ЕС-25/27), когда значительная часть созданной «Газпромом» и/или его правопреемниками на тех же принципах, что и европейскими компаниями, инфраструктуры оказалась после 2004/2007 годов на территории ЕС, (см. «Производственно-сбытовая цепочка...»), а потом (после январских российско-украинских событий 2006 и 2009 годов) стал также частью «целевой аудитории» либерализационных мер на формирующемся едином газовом рынке ЕС.

На мой взгляд, только и именно усиливающаяся конкуренция на рынке газа ЕС способна эффективно вынудить «Газпром» адаптировать свою контрактную и ценовую политику к новым реалиям на европейском газовом рынке, заставив его быть более конкурентоспособным в борьбе

Оговорки о пунктах конечного назначения (destination clauses — территориальные ограничения на продажу) — экономически обоснованная и неотъемлемая часть советских /российских экспортных поставок в Европу

«Оговорки о пунктах конечного назначения» разрешают поставщику газа продавать газ различным покупателям по различным ценам и на различных условиях в одном и том же пункте сдачи-приемки

за расширение своего присутствия в рамках сжимающейся конкурентной ниши для российского газа в Европе. А не административные сентябрьские атаки типа нынешней (04.09.12) или прошлогодней (27.09.11).

Сегодняшнее монополярное положение «Газпрома» на рынке ЦВЕ, в период, когда эти страны уже входят в состав ЕС, является результатом инвестиционных решений и развития инфраструкту-

ры, осуществленных в другую политическую эпоху и в других экономических условиях — разделенной Европы времен холодной войны, когда страны ЦВЕ были членами СЭВ и частью мировой социалистической системы.

На мой взгляд, это не «Газпром» ответственен за приписываемое ему недостаточное развитие газотранспортной инфраструктуры стран ЦВЕ, которая была создана преимущественно

DESTINATION CLAUSES

Как известно, они были отменены в результате пакетных трехсторонних договоренностей в 2003–2004 годах между «Газпромом», ЕК и соответствующими компаниями ЕС — импортерами российского газа (Eni, EON-Ruhrgas, OMV и др.).

При этом, замечу, предусматривалось компенсировать потери «Газпрому» от отмены этих контрактных оговорок, например, в случае с Eni — расширением прямого доступа «Газпрома» на итальянский рынок. Для этого было предусмотрено расширить мощности транзитного газопровода TAG через территорию Австрии в Италию, по которому осуществляются в эту страну поставки российского газа.

Прошедший в декабре 2005 года аукцион на доступ к дополнительным мощностям TAG был в итоге организован таким образом, что победителями были объявлены все 149 номинантов, большинство из которых были аффилированы между собой и не располагали ресурсами газа.

В итоге, после аукциона, многие из них обращались в «Газпром» с предложением либо продать им газ, либо купить у них «выигранное» ими место в трубе. С тех пор слова «аукцион по TAG» стали нарицательными и синонимом того, как не надо производить процедуры определения и удовлетворения рыночного спроса на мощности.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РИСКИ

Дополнительные риски и неопределенности для проектного финансирования инфраструктуры создают в ЕС также:

- ОДТС;
- фактически форсированное внедрение спотового и биржевого ценообразования;
- неясная дискриминация приветствуемых проектными финансистами ДСЭГК с механизмами индексации;
- регулируемые тарифы на транспортировку, завязанные на ограничиваемую сверху величину внутренней нормы рентабельности для операций по развитию инфраструктуры на запредельно низком уровне 5–6%, что удлиняет сроки окупаемости таких проектов за 20-летние периоды и делает инвестиции в развитие инфраструктуры абсолютно неинтересными для частного бизнеса.

в «догазпромовское» время, а советская плановая экономика.

В течение 40 лет (с начала 1960-х до конца 1990-х) такая монополия поставок с политически детерминированным ценообразованием действовала в пользу стран-членов СЭВ: советские (а позднее и российские) газовые поставки в социалистические страны ЦВЕ осуществлялись по ценам, определяемым на условиях «издержки плюс», в то время как в капиталистические страны Западной Европы — по ценам, определяемым на условиях «нет-бэк от стоимости замещения у конечных потребителей» с нефтепродуктовой привязкой.

Начиная с 1970-х годов, когда начался бурный рост нефтяных цен, индексированные по нефтяным/нефтепродуктовым котировкам газовые цены для Западной Европы также начали расти (хотя и с лагом запаздывания), в противовес остававшимся стабильными и относительно низкими ценам, определяемым на основе «издержек плюс» для поставляемого в ЦВЕ советского газа. На это, кстати, обратил внимание и российский президент во Владивостоке, отметив, по сообщению РИА-Новости, что «во времена СССР газ в страны Восточной Европы поставлялся по нерыночным ценам», в обмен на политическую лояльность последних.

Однако только в 1998 году, спустя 10 лет после прошедших в странах ЦВЕ «бархатных революций», приведших к распаду системы СЭВ и переориентировавших эти страны на вступление в ЕС, российские экспортные цены для

стран ЦВЕ были переведены с формулы «издержки плюс» на формулу «нет-бэк от стоимости замещения на рынке ЕС» с нефтепродуктовой привязкой, то есть на «европейские формулы».

Поскольку в это время цены на нефть были на исторически низком уровне в результате азиатского финансового кризиса, этот переход произошел без заметных негативных экономических последствий для стран ЦВЕ и без политических потрясений. И только когда ситуация на европейском рынке газа кардинально изменилась, начиная с 2009 года тема «Газпрома» оказалась поднятой вновь. «Газпром» не изменился, не изменилась и его политика (ни контрактная, ни ценовая) в Европе.

Изменилась Европа, то есть внешняя среда, в которой действует «Газпром»: экономический кризис, плюс эффект домино в результате «тихой сланцевой революции» в США привели к образованию избытка предложения на европейском газовом рынке и к более низким спотовым ценам на газ в Европе. В то же время высокие мировые цены на нефть через механизм нефтяной (нефтепродуктовой) индексации удерживали контрактные цены для ЕС на высоком уровне. Разрыв между спотовыми и контрактными ценами увеличивался и на пике кризиса достигал двукратного (в сентябре с.г. составил около четверти).

Таким образом, это не «Газпром» как таковой, но изменившаяся вокруг него среда, конъюнктура рынка, на котором он ис-

торически занимает ключевое/доминирующее положение, явились, по сути, источником и поводом для озабоченности ЕК.

«Газпром» мог разделять рынки?

ЕК утверждает, что «во-первых, «Газпром» мог предположительно разделять газовые рынки, препятствуя свободным перетокам газа между странами-членами ЕС». Но как было показано выше, это не «Газпром» разделил газовые рынки стран ЕС.

Во-первых, вплоть до настоящего времени рынки всех стран ЕС (что Западной, что Восточной Европы) являются по сути разделенными. Это признает и сама ЕК, которая, разрабатывая Третий энергопакет, ставит задачу формирования единого рынка газа ЕС, начиная при этом с малого —

В противовес «инвестиционным» механизмам ценообразования, спотовое ценообразование является механизмом «торговым», нежелательным для проектного финансирования

с формирования рыночных зон, объединяющих хотя бы несколько соседних стран, и/или создавая предпосылки для формирования свободных перетоков газа внутри отдельных стран ЕС к 2014 году. Причем здесь «Газпром»?

Во-вторых, в странах ЦВЕ не «Газпром» «разделил» рынки, а централизованное планирование «догазпромовских» времен

Невозможно ни сохранить повсеместную нефтепродуктовую индексацию в рамках ДСЭГК в Европе, ни перевести все ценообразование на спотовые котировки

СССР/СЭВ. Наконец, в-третьих, существуют общие закономерности развития энергетических рынков, когда сначала они развиваются как индивидуальные, в рамках национальных границ, и лишь начиная с какого-то этапа происходит постепенное конвертирование внешнеэкономических

На начальной стадии развития газовых рынков цена может быть установлена лишь внутри пары «производитель–потребитель» и только как контрактная, то есть на период не ниже срока окупаемости (требования проектного финансирования: обеспечить гарантии финансовых потоков для окупаемости инвестиций в проект по добыче и транспортировке газа потребителю или в пункт сдачи-приемки).

Контрактная цена может быть установлена в качестве фиксированной величины и определяется по принципу «издержки-плюс». Такая цена отражает минимально приемлемую цену для производителя. Она должна покрывать его издержки и обеспечивать приемлемую норму прибыли. Потребитель не имеет альтернативы выбора поставщика/поставок и поэтому должен/вынужден принять такую цену.

Таким образом, механизм «кост-плюс» — это «инвестиционный» механизм ценообразования на неконкурентных рынках, а определяемая таким образом цена — «инвестиционная» цена. Она отражает уровень «справедливой» цены производителя на ранних стадиях развития рынков. Но также цену производителя в результате политического ценообразования на более поздних этапах.

На следующем этапе — интенсивного развития рынка — возникает индексация как механизм привязки цены газа к стоимости конкурирующих с ним в конечном потреблении энергоресурсов. Механизм ценообразования называется «нет-бэк от стоимости замещения газа у конечного потребителя» (НБСЗ) и появляется на конкурентных рынках, где существует межтопливная конкуренция.

НБСЗ обеспечивает максимальную цену реализации газа для производителя/поставщика (предполагается, что более высокую, чем цена «кост-плюс») и приемлемую, конкурентную, предпочтительную (более низкую, чем цены альтернативного предложения) цену для потребителя. Регулярная адаптация цены НБСЗ, в рамках предусмотренных контрактами механизмов, помогает поддерживать ее конкурентный уровень. Таким образом, «индексация» (НБСЗ) является «инвестиционным» механизмом ценообразования на конкурентных рынках. Ее результатом является цена, «справедливая» для стадии интенсивного развития рынков.

торговых связей между соседними странами (наличие которых еще не означает единого рыночного пространства) в единое рыночное пространство со свободными торговыми и инвестиционными перетоками внутри него.

Сегодня препятствует «свободным перетокам газа между

Возникает естественный вопрос: что означает «разделяя рынки»? Не думаю, что я сильно ошибаюсь, предположив, что под этим ЕК подразумевает применение системы долгосрочных экспортных газовых контрактов (ДСЭГК) с т.н. «оговорками о пунктах конечного назначения» (см. «*Destination clauses*»).

Такая организация контрактных отношений отражала экономические реалии, начиная с 1960-х годов и вплоть до настоящего времени, когда поставка советского/российского газа осуществлялась в ограниченное число пунктов сдачи-приемки на внешней (восточной) границе «старого» ЕС-15. При этом в каждом таком пункте осуществлялась сдача газа, предназначенного для разных рынков стран ЕС и поэтому

имевшего в этом пункте разную контрактную цену (напомню, для стран Западной Европы цены в пунктах сдачи-приемки определялись по формуле «нет-бэк от стоимости замещения на рынке конечного потребителя»): наивысшую для наиболее близкорасположенного рынка, наименьшую — для наиболее удаленного (см. «*Оговорки о пунктах конечного назначения...*»).

Запрет оптовым покупателям российского газа в Европе на арбитражные операции (его перепродажу между рынками) посредством механизма «оговорок» вплоть до 2003 года защищал обоснованные экономические интересы экспортера («Газпрома») и собственника ресурсов (российского государства), препятствуя покупателю газа, предназначенного для наиболее удаленного от пункта сдачи-приемки рынка, перепродавать его на более близко расположенном рынке, цена для которого в данном пункте сдачи-приемки по той же причине была наивысшей, присваивая, тем самым, часть принадлежащей государству-собственнику недр «ресурсной ренты» от экспортируемого газа.

После вынужденного отказа от оговорок все упреки в отношении недостатка «свободных перетоков» газа ЕК может обращать к самой себе, ибо они являются результатом недостаточного развития внутри-ЕС-овской инфраструктуры (трубопроводы-интерконнекторы, реверсивные мощности на пограничных переходах и т.п.).

Это, в свою очередь, является следствием слабых инвестиционных стимулов для проектных финансистов (см. «*Дополнительные риски...*») вкладывать преимущественно заемные средства в рамках «сегментированного» энергетического рынка ЕС, где после 2003 года развитие и регулирование сегмента товарных потоков (commodities), с одной стороны, и инфраструктуры (capacities), с другой, осуществляется отдельно, в отличие от более раннего периода, когда оба этих сегмента развивались и управлялись в рамках единого хозяйственного комплекса внутри отдельных ВИК.

А что означает «свободные перетоки/потоки» в этом расследо-

Для превращения рынка в конкурентный необходимо адекватное развитие его инфраструктуры, что есть функция инвестиционного климата в ЕС

странами-членами ЕС» не «Газпром», а отсутствие единого рыночного пространства внутри ЕС, который только выходит на соответствующую стадию развития.

Нефтепродуктовая индексация: аргументы за и против

За	Против
1. Применяется на практике 50 лет => удобна для пользователей	1. Консервация существующей модели без адаптации не соответствует эволюции механизма НБСЗ в рамках ДСЭГК, основанной на межтопливной конкуренции
2. Сужает коридор еновых колебаний, увеличивает предсказуемость цен, минимизирует инвестирики	2. Жидкое топливо перестало быть замещающим для газа в промышленности и электроэнергетике, но осталось резервным топливом
3. Удобный инструмент для финансовых институтов => возможность хеджирования и проектного финансирования	3. Удерживает цену газа ниже нефтяного паритета
4. Прозрачный и понятный механизм ценообразования (по крайней мере, для профессионалов)	4. Привязывает цену газа к высоколиквидному, но манипулируемому рынку с непредсказуемыми биржевыми котировками
5. Профессиональный, однородный, стабильный и узкий круг участников рынка	5. Конфиденциальность, поэтому закрытый и непрозрачный для общественности
6. Предлагаемые альтернативы (спот/фьючерсы/...) не лучше: низкая ликвидность газовых хабов (ЕС), высокая вероятность для манипулирования	6. В настоящее время: более высокие контрактные цены по сравнению с низкими спотовыми

вании? Подразумевает ли ЕК под этим (1) старые и новые множественные поставки/потоки газа через старые и новые множественные мощности/маршруты транспортировки или (2) старые и новые множественные поставки/потоки, но лишь через существующие мощности транспортировки?

Вариант (1) предполагает огромные капиталовложения и затраты времени — и отсутствие немедленного результата с точки зрения появления дополнительных наличных мощностей. Вариант (2), который, похоже, является предпочтительным сценарием для директората по конкуренции ЕК, означает нулевые капиталовложения и нулевые затраты времени, то есть немедленный доступ к уже существующей инфраструктуре.

Возможной аргументацией в пользу второго сценария для ЕК может быть то, что по расчетам, выполненным для Европейской Ассоциации энергорегуляторов Институтом экономики энергетике Университета г. Кельна, средний среднегодовой уровень фактического использования существующей газотранспортной инфраструктуры в ЕС получился равным 70% (эта цифра имеет довольно широкое хождение в среде европейских энергорегуляторов).

То есть, законтрактована полностью, а используется далеко не полностью. Эта цифра и следующие из нее выводы весьма широко используются сегодня в Европе проponentами Третьего энергепакета.

Таким образом, целью расследования ЕК может быть желание получить «свободный» (то есть

бесплатный, не вкладывая инвестиций в расширение мощностей) доступ к законтрактованной, но не используемой в конкретный момент времени (по сезонным, режимным, ремонтным и/или иным соображениям) инфраструктуре, которая была профинансирована и построена ранее на принципах «проектного финансирования» другими экономическими субъектами, принадлежащим им на праве собственности и является контрактно несвободной.

Напоминает философию «свободного наездника» или, что хуже, «конфискационный доступ» (и то и другое осуждается философией «справедливых» рыночных отношений)...

«Газпром» мог препятствовать диверсификации?

ЕК утверждает, что «Газпром» мог, предположительно, препятствовать диверсификации газовых поставок».

Как известно, в 1911 году У.Черчилль, тогда министр ВМФ Ее Величества, впервые провозгласил, что энергобезопасность означает диверсификацию поставок. В сегодняшнем мире это означает для потребителя множественную диверсификацию поставок, опирающуюся на инвестиции в увеличение номенклатуры поставок и поставщиков (как отечественных, так и иностранных), путей доставки, энергоресурсов (включая «традиционные» и «нетрадиционные», по состоянию на сегодняшний день, их виды, которые станут «традиционными» только завтра) и т.п.

Для производителя этот набор дополняется иным компонентом — диверсификацией рынков. Исходя из такого понимания, «Газпром» — по определению — не может препятствовать диверсификации, а именно: развитию альтернативных поставок (СПГ, сланцевого газа), путей доставки и поставщиков (новых участников рынка).

Более того, я соглашусь с регулярно повторяемым Александром Медведевым тезисом, что именно «Газпром» был инициатором (родоначальником) конкурентных поставок на европейский газовый рынок, первым нарушив

Подоплека расследования ЕК — стремление создать негативный ореол вокруг «Газпрома» во время начатых против него арбитражных разбирательств

монополию Ruhrgas как единственного оптового покупателя и поставщика российского газа в Германию, создав компанию Wingas (50/50 СП с компанией BASF) в качестве альтернативного канала поставок.

На мой взгляд, диверсификация путей доставки есть один из трех равнозначных элементов диверсификации для отдельно взятого энергоресурса (еще два — диверсификация источников поставок и рынков), хотя далеко не все разделяют эту точку зрения. Так, в серии моих очных и заочных дебатов на эту тему с бывшим министром иностранных дел Германии, а ныне политическим советником компании RWE Йош-

кой Фишером, он настойчиво отвергает тезис, что развитие альтернативных путей доставки от того же производителя является диверсификацией.

Тем не менее, я считаю, что и сегодня «Газпром» не препятствует, а, скорее, активно способствует диверсификации газовых поставок в Европу, развивая, например, газовый коридор Север–Юг, столь критически необходимый для стран ЦВЕ, по заявлениям властей и этих стран, и ЕС. Комбинация (цепочка) газопроводов Nord Stream, OPAL и Gazelle создает новый маршрут поставок газа в страны ЦВЕ, дополнительный к существующим магистралям Восток–Запад. Последующее подключение к магистрали Север–Юг поставок регазифицированного СПГ с терминалов на острове Крк в Хорватии и Свиноусье в Польше дополнит и замкнет эту вертикаль.

И помимо всего этого своей ценовой политикой и высокими ценами «Газпром» непредумышленно дополнительно побуждает страны ЕС к диверсификации, особенно те страны ЦВЕ, которые имеют наименьшие возможности по конкурентному выбору поставщиков по сравнению со «стары-

ми» членами ЕС. В случае появления на рынке ЕС альтернативных поставок, особенно если сегодняшний избыток предложения сохранится, газпромовские поставки, как наиболее дорогие (благодаря нефтепродуктовой индексации), могут оказаться «первой жертвой» диверсификации.

Газпромовские поставки могли бы оказаться такой «жертвой» уже сегодня, если бы не содержащиеся в российских ДСЭГК положения «бери-и/или-плати» и о порядке пересмотра цен, которые препятствуют немедленному переключению оптовых покупателей — контрагентов «Газпрома» с более дорогого сегодня контрактного российского газа на более дешевый сегодня в Европе спотовый газ. По истечении срока действия ДСЭГК «Газпром» как один из маргинальных (по цене) и крупнейших (по объемам) поставщиков газа в Европу может пострадать больше других.

Однако нежелание «Газпрома» отказываться от применения положений «бери-и/или-плати» не может, на мой взгляд, быть расценено как его «препятствие диверсификации». Контрагенты «Газпрома» не могут прекратить

их действие в одностороннем порядке, поскольку односторонние действия в рамках двусторонних договоров не являются допустимыми.

Именно поэтому оптовые покупатели российского газа начали судебные иски против «Газпрома», стремясь добиться отказа от применения этих положений по суду. И именно поэтому, на мой взгляд, Департамент по конкуренции ЕК стремится объявить положения «бери-и/или-плати» и ценовую индексацию в ДСЭГК в качестве несправедливой (нерыночной) практики и необоснованных действий.

Что действительно мешает/препятствует диверсификации, так это отсутствие инвестиционных стимулов (длительные периоды окупаемости инвестиций и низкий уровень возврата на инвестиции: так, вышеупомянутый газопровод Gazelle, приводящий в Чехию газ с севера, имеет срок окупаемости 23–24 года) из-за действующих в ЕС правил регулирования развития инфраструктуры. Но это — сугубо внутренние вопросы ЕС, вопросы инвестиционного климата ЕС для развития инфраструктуры. При чем здесь «Газпром»?

Диверсификация означает формирование достаточной инфраструктуры для реализации возможностей множественного выбора у поставщиков и потребителей, иначе говоря — для обеспечения (удовлетворения) рыночного спроса на мощности транспортировки. Третий энергетический пакет ЕС создает такие потенциальные возможности, но они должны быть конвертированы в процедуры регулирования, которые должны найти отражение в соответствующих Сетевых Кодексах, которые разрабатываются в настоящее время.

Российские и европейские эксперты совместно работают над выработкой таких процедур (европейские эксперты — как разработчики, российские — как их спарринг-партнеры) как в процессе неформальных консультаций по вопросам применения положений Третьего энергопакета (с января 2012 г.), так и в рамках Консультативного Совета Россия–ЕС

Всероссийская научно-техническая конференция ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ТРУДНОИЗВЛЕКАЕМЫХ ЗАПАСОВ НЕФТЕГАЗОКОНДЕНСАТНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

31 октября – 02 ноября 2012 г., г. Санкт-Петербург

Организаторы конференции:

Национальный
минерально-сырьевой
университет «Горный»

Центральная комиссия
по разработке Роснедр
по углеводородному
сырью

При участии:

Министерства энергетики РФ
Роснедра
Администрации ЯНАО
ЦКР Роснедр

Информационные спонсоры:

«Нефтяное хозяйство»
«Вестник ЦКР»
«Недропользование XXI»
«Нефтегазовая вертикаль»
«Нефть. Газ. Новации»
«Инженер-нефтяник»

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ОБСУДИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ:

- Перспективы разработки запасов нефтегазоконденсатных месторождений в Западной и Восточной Сибири
- Опыт разработки трудноизвлекаемых запасов с применением инновационных технологий
- Перспективы развития транспортной схемы при разработке нефтегазоконденсатных месторождений Восточной Сибири, Ямала и Гыдана
- Проблемы налоговой и законодательной базы при разработке трудноизвлекаемых запасов
- Проблемы разработки нефтяных оторочек

КОНТАКТНЫЕ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ

Рогачев Михаил Константинович
Тел.: (812) 328-84-20
E-mail: rogatchev@mail.ru

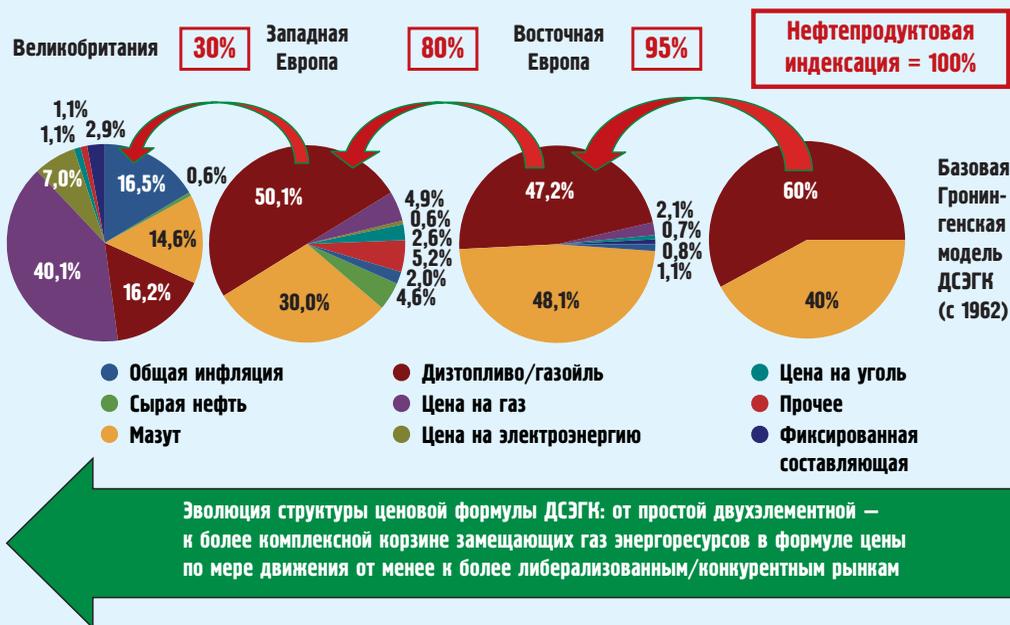
Сутормин Сергей Евгеньевич
Тел.: (812) 313-69-24
E-mail: sutormin.se@gazpromneft-ntc.ru

Секретариат:

Ковалева Александра Николаевна
Тел.: (812) 327-69-21
E-mail: kovaleva_an@mail.ru

Информация о конференции размещена на сайте
Горного университета www.spmi.ru

Индексация цены в Великобритании сильно отличается от континентальной Европы

по газу (с ноября 2011 года). В обоих процессах представители Группы «Газпром» принимают активное участие.

«Газпром» мог применять несправедливые цены?

ЕК утверждает, что «Газпром» мог, предположительно, навязывать своим потребителям несправедливые цены, привязывая цену газа к ценам на нефть».

В качестве отправной точки я хотел бы отметить, что для поставщика и покупателя, являющихся двумя сторонами одного контракта, понятие «справедливая цена» (по содержанию и величине) является разным. Но никакая цена не может быть названа несправедливой, если две стороны контракта согласовали ее уровень и/или механизм ее определения в рамках заключенного контракта.

Более того, значение и механизм определения «справедливой» цены различается в зависимости от стадии развития рынка, применяемых контрактных структур и механизмов ценообразования (см. «Зависимость «справедливой» цены»).

В противовес обоим «инвестиционным» механизмам ценообразования, спотовое ценообразование является механизмом «торговым». Оно — механизм не долгосрочного, но краткосрочного ценообразования, приемлемый для торговых операций, но нежелательный для проектного финансирования. Проектные финансисты никогда не предпочтут механизмы краткосрочного ценообразования (спот), имея возможность выбрать долгосрочные ценовые инструменты (индексацию/НБСЗ).

Только под давлением внешних обстоятельств/сил (той же ЕК), как в случае с проектом Ормен Ланге на норвежском шельфе Северного моря, они откажутся от финансирования на основе долгосрочного контракта с индексацией цены.

Нефтепродуктовая индексация применяется в Европе с 1962 года. Она появилась в Нидерландах и является неотъемлемой частью ДСЭГК Гронингенского типа. Потребовалось практически 50 лет, чтобы ДСЭГК этого типа с нефтепродуктовой индексацией распространились на всем пространстве «большой энергетической Европы». И она все еще доминирует в европейских ДСЭГК. По оценке

Международного Газового Союза, ее доля сократилась с 80% в 2005 году до 65% в 2009 году: вопрос остается зоной активных дебатов (см. «Нефтепродуктовая индексация: за и против»), наличие которых не позволяет делать вывод о том, что привязка газовых цен к нефтяным котировкам приводит к «несправедливым ценам»...

Существуют два полярных взгляда на дальнейшие перспективы индексации как механизма ценообразования на газ: в поддержку сохранения нефтепродуктовой индексации в российских ДСЭГК в Европу и постепенное закрепление спотовых котировок в качестве единственного инструмента ценообразования как в разовых сделках, так и в срочных контрактах.

Автор стремится найти взаимоприемлемый компромисс между Сциллой и Харрибдой. На мой взгляд, невозможно ни сохранить повсеместную нефтепродуктовую индексацию в рамках ДСЭГК в Европе, ни перевести все ценообразование на газ в Европе на спотовые котировки. Наиболее вероятный, на мой взгляд, сценарий развития событий — это сохранение механизма индексации в рамках европейских ДСЭГК, но мягкий отход от нефтепродуктовой

индексации с нарастающим включением в ценовую корзину спотовых котировок (отражающих нарастающую конкуренцию «газ-газ») и других энергоресурсов (отражающих усиливающую конкуренцию «газ — не газ»).

К этим «другим» относится, в первую очередь, обязательная для приоритетного потребления в Европе (must-run) первичная электроэнергия от возобновляемых источников энергии (ветровая, солнечная, гидро-), а также от атомных и угольных электростанций (см. «Эволюция/адаптация механизмов формирования цен...»).

Возможен и иной вариант гибридной индексации: применение механизма так называемой S-curve, то есть введение верхнего и нижнего предела колебаний газовых цен в рамках ДСЭГК, при том что сама цена будет отражать спотовые котировки в рамках той или иной региональной зоны, где находятся конечные потребители для данного поставщика.

При этом верхний предел определяется по величине НБСЗ (максимально приемлемая цена для потребителя — ниже меньших значений стоимости замещения от конкурентных поставок). Нижний — по «кост-плюс» (минимально приемлемая для производителя для окупаемости инвестиций в проект). Такой механизм с верхним и нижним потолком колебаний цен дол-

жен, на мой взгляд, применяться как минимум на период окупаемости инвестиций, ибо дает возможности проектным финансистам рассчитать окупаемость проекта.

Можно считать, что оба предложенных варианта — вклад автора и предмет для продолжающейся дискуссии, которая пока не дает оснований для вывода о том, как это делает ЕК, что «Газпром» работает по «несправедливым ценам», которые он навязывает покупателям (не его вина, что покупатели его газа до сих пор не озаботились формированием альтернативных поставок).

В современной Восточной Европе (наименее либерализованной, то есть наименее конкурентной части ЕС) нефтепродуктовая индексация покрывает 95% ценовой формулы, в более либерализованной Западной Европе — уже 80%, а на наиболее либерализованном, то есть наиболее конкурентном в Европе газовом рынке Соединенного Королевства, — всего 30% (см. «Эволюция структуры ценовой индексации...»).

Таким образом, вывод очевиден, по крайней мере — для меня: чем более конкурентным является газовый рынок, тем менее зависимым он является от нефтепродуктовой индексации, тем более сложной (диверсифицированной) является структура ценовой корзины индексации, все

более и более тяготеющей к формированию цены сделок компании по принципу «ценового портфеля».

Страны ЦВЕ, по вполне очевидным причинам, находятся в хвосте вышеуказанных преобразований в Европе. И не «Газпром» в этом виноват. Но определяющий принцип для любой капиталоемкой отрасли, в том числе для газа в ап-

Европейцы склонны принимать вылепливаемый из «Газпрома» коллективными усилиями — увы, временами не без его собственной помощи — «образ врага»

стриме: никаких революционных преобразований, только мягкая адаптация. Драйвером эволюционных преобразований должны быть объективные тенденции развития рынка, то есть усиление конкуренции, а не административное давление, и тем более не административные наскоки. А для превращения рынка в конкурентный необходимо адекватное развитие его инфраструктуры, что есть функция инвестиционного климата в стране, то есть в ЕС. Причем здесь «Газпром»?

Иные резоны?

Каковы могут быть иные резоны для возбуждения ЕК по поводу

БЕСПЛАТНАЯ НОВОСТНАЯ ЛЕНТА С ТЕМАТИЧЕСКОЙ РАЗБИВКОЙ

Ежедневно более 60 отраслевых новостей:

- политика, экономика, управление
- нефтегазовый сервис
- переработка, химия, маркетинг
- цитаты и мнения отраслевых экспертов

www.ngv.ru

«Газпрома» именно сейчас? Текущий экономический кризис и его приближающаяся вторая волна, безусловно, один из таких резонансов. В этих условиях ЕК могла захотеть поддержать свои национальные энергетические компании — оптовых покупателей российского газа и крупных налогоплательщиков в странах ЕС.

Избыток предложения газа на рынке ЕС привел к снижению его розничных цен (цен продаж для компаний-покупателей и оптовых перепродавцов российского газа), в то время как оптовые цены (закупочные цены российского газа для этих компаний-посред-

Евросоюз сделал все возможное, чтобы реализация модели по уходу от российского газа стала медленным, но необратимым процессом

ников) остались на высоком уровне.

Обязательства «бери-и/или-плати» вынуждают их продолжать закупки российского газа по высоким оптовым ценам, в то время как на рынке имеется в избытке предложение газа по низким спотовым. А меры регулиро-

«Газпрому» требуется адаптация поведения к меняющейся архитектуре рынка: к этому концерн вынуждает нарастающая конкуренция, а не рейды ЕК

вания, включая ограничения по розничным продажам на долгосрочной основе, вынуждают их продаватькупаемый по высоким оптовым ценам конечным потребителям по низким ценам спотового рынка.

Это приводит к отрицательной рентабельности операций по производству электроэнергии из контрактного газа и громадным потерям этих посреднических компаний (а нет прибыли — нет и уплаты налога на прибыль, притом что, в отличие от России, налоги в Европе преимущественно не оборотные).

Именно эта ситуация, что, на мой взгляд, совершенно есте-

ственно, спровоцировала волну судебных исков и арбитражных разбирательств, инициированных европейскими компаниями-покупателями российского газа против «Газпрома», которого им не удается уговорить снизить свои отпускные цены в одностороннем порядке. Так что ничего личного — только бизнес. Причем, с обеих сторон.

В данных условиях полагаю, что одной из реальных целей громкого заявления о начале расследования ЕК является стремление создать ореол негативных ожиданий, допущений и ощущений вокруг «Газпрома» во время начаты против него арбитражных разбирательств. И таким образом повлиять на нейтральные и независимые европейские и/или международные суды при рассмотрении ими возбужденных против «Газпрома» дел для принятия решений в пользу покупателей его газа.

«Экономика торговли», основанная на перепродаже советского/российского газа конечным потребителям в странах ЕС крупными европейскими компаниями-оптовиками-посредниками, которые выросли на этом бизнесе в последние десятилетия до уровня «национальных чемпионов», начинает давать сбои. «Когда луна становится полной, она начинает убывать...» Так и их роль, дойдя до пика, пошла на убыль.

Поэтому, с одной стороны, эти «национальные чемпионы» с их долгосрочными «торговыми» контрактами (в отличие от долгосрочных «инвестиционных» контрактов производителей) были многолетней истинной целью реформаторских усилий Директората по конкуренции ЕК. С другой стороны, сегодня ЕК старается поддержать национальные компании стран ЕС, искусственно ухудшая конкурентную среду (например, скажем мягко, недостаточно экономически мотивированными претензиями и разбирательствами) для их иностранных партнеров-конкурентов.

Еще одним чисто политическим объяснением поведения ЕК (с позиции «политики популизма») может быть принудительное переключение тем самым внимания общественного мнения ЕС с

внутренних кризисных проблем самого ЕС на мифического «внешнего врага», формируя из него образ «реальной угрозы».

К глубокому сожалению, январские российско-украинские кризисы 2006-го и 2009-го годов сыграли свою негативную роль и обеспечили готовность европейского общественного мнения в очередной раз заглотить такую наживку и быть склонным принимать вылепливаемый из «Газпрома» коллективными усилиями (увы, временами не без его собственной помощи) «образ врага».

Не устаю повторять, что 19 дней перерыва в поставках (3 дня — в январе 2006 года и 19 дней — в январе 2009 года) не только перечеркнули в глазах и умах многих европейцев 40 предыдущих лет бесперебойных поставок газа из СССР/России, но и, что более существенно, запустили свой эффект домино в ЕС, когда там сначала были приняты политические решения по ослаблению зависимости от российского газа и наращиванию диверсификации поставок, затем они были подкреплены принятием соответствующих законодательных актов, требующих инвестиционных решений по их исполнению, затем эти инвестиционные решения были запущены, что сделало реализацию модели по уходу от российского газа медленным, но необратимым процессом.

Таким образом, сжатие конкурентной ниши для российского газа в Европе и повышение уровня конкуренции внутри этой ниши (для ее удержания) становится сегодня, при наличии на рынке избытка предложения, все более многотрудным процессом для «Газпрома», по крайней мере, с помощью традиционных, широко применявшихся им ранее, в период относительного дефицита газа на рынке, инструментов.

Требуется адаптация поведения в соответствии с меняющейся архитектурой рынка, и «Газпром» ее уже вынужденно начал применять после 2009 года. Проводить ее на постоянной основе его будет вынуждать нарастающая конкуренция и меняющаяся внешняя среда на рынке ЕС, а не ежегодные рейды Директората по конкуренции ЕК. ■